

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА В V в. до н.э.: СОФИСТЫ И ДЕМОКРИТ

Н. П. Гринцер

Школа актуальных гуманитарных исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия
grintser@mail.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка проанализировать ряд разрозненных высказываний, дошедших до нас от софистов (Протагор, Продик) и философов (Демокрит) V в. до н.э. и обычно связываемых с их представлениями о природе человеческого языка и сознания. Автор стремится продемонстрировать, что все они изначально были связаны с интерпретацией конкретных поэтических контекстов, направленной на выяснение их внутренней логики, особенностей употребления в них определенных слов и выражений. Таким образом, оказывается, что интеллектуальные дискуссии, традиционно относимые к области риторики или философии, исходно основывались на литературоведческом комментарии, предвосхищавшем филологические методы позднейшей научной грамматики. В этой связи в статье предложен ряд новых интерпретаций отдельных фрагментов Демокрита, а также целостная трактовка теории «правильного употребления слов» у Протагора и Продика.

Ключевые слова: литературная теория, критика, Гомер, Гесиод, софисты, Демокрит, комментарий, этимология, аллегория, риторика

LITERARY CRITICISM IN THE 5th CENTURY BC: SOPHISTS AND DEMOCRITUS

Nikolay P. Grintser

School of Advanced Studies in the Humanities, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
grintser@mail.ru

Abstract. The paper contains the analysis of a number of isolated fragments by the Sophists (Protagoras, Prodicus) and the philosophers (Democritus) of the 5th century BC that are usually

Данные об авторе. Николай Павлович Гринцер – доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, директор Школы актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС, ведущий научный сотрудник ИВИ РАН.

taken to reveal their views on the nature of human language and consciousness. The author seeks to demonstrate that all those opinions could be based upon an interpretation of particular poetic pieces, which tended to establish their internal logical unity and to reveal the peculiarities of their verbal expression. It turns out, therefore, that the intellectual debates usually regarded as belonging to the field of rhetoric and/or philosophy, were initially rooted in literary commenting that anticipated the methods and principles of later scholarly grammatical tradition. In this prospective, some new interpretations of Democritus' fragments as well as a comprehensive treatment of the Sophistic theory of "verbal correctness" are suggested.

Keywords: literary theory, criticism, Homer, Hesiod, Sophists, Democritus, commentary, etymology, allegory, rhetoric

Когда мы говорим об античном литературоведении, в научном обиходе конкурируют два обозначения: «античная литературная критика» и «античная литературная теория». В принципе эти понятия порой воспринимаются более или менее равнозначно — особенно в англоязычной традиции, где фундаментальные труды по истории античного (и не только: достаточно вспомнить хотя бы название одной из наиболее авторитетных теоретических литературоведческих школ XX в., которая именовала себя «новой критикой») литературоведения обычно именуются *Cambridge History of Literary Criticism*¹ или *Oxford Readings in Ancient Literary Criticism*². В русской науке разноречивее: в заглавиях обобщающих работ и сборников встречаются как «критика»³, так и «теория»⁴. Разница понятий кажется достаточно ощутимой: «теория» скорее предполагает построение общих моделей, в достаточной мере отвлеченных от конкретных текстов, в то время как «критика» все же всегда привязана к анализу и оценке отдельно взятых произведений и авторов. Однако следует признать, что в античности научное исследование литературы всегда отталкивалось от анализа конкретных авторитетных текстов, а разнообразные теоретические построения скорее вырастали из такого анализа, а не пользовались им как иллюстрацией. Это, безусловно, справедливо для эллинистическо-римской традиции, которая базировалась на александрийской филологической традиции комментария к Гомеру. Отчасти именно этим объясняется тот факт, что литературоведение, или поэтика, так и не стала самостоятельной отдельной дисциплиной, но скорее входила в область грамматики, высшей целью которой, согласно Дионисию Фракийскому, было «суждение о поэтических произведениях», κρίσις ποιημάτων (ср. *Sext. Emp.* 1. 93); а те, кто полагал, как например, Кратет Маллосский, что изучение литературы стоит выше грамматической науки, именовал занимающихся этим именно критиками, οἱ κριτικοί (*ibid.* 1.79). Однако в определенной степени это справедливо и для самых ранних этапов становления литературной теории, в частности для аристотелевской «Поэтики», которая в той части, что до нас дошла, может рассматриваться как критика трагедии, в первую очередь, и Гомера, во вторую (достаточно

¹ Kennedy 1989.

² Laird 2006.

³ См. Petrovskiy 1963; Freyberg 1975.

⁴ Grintser 2000.

вспомнить разбор частных примеров в 25-й главе этого произведения⁵). Так что можно утверждать, что древнее литературоведение на всем протяжении своего существования как профессионального гуманитарного занятия была все же скорее «критикой», чем теорией в чистом виде.

В данной работе я постараюсь показать, что эта общая максима значима и для еще более раннего этапа зарождения литературной теории, а именно для V века до н.э., когда мы начинаем сталкиваться с первыми общими суждениями о природе и сути литературного творчества. Они зачастую воспринимаются именно как «общие суждения», не в последнюю очередь потому, что сохранились в виде вырванных из контекста фрагментов и потому воспринимаются как своего рода «вещь в себе». Я же постараюсь продемонстрировать, что в ряде случаев (если не всегда) они так или иначе связаны с обсуждением конкретных поэтических текстов и с интерпретацией и оценкой сказанного авторами предшествующих эпох и прежде всего Гомером. Иными словами, интеллектуалы пятого века шли тем же путем, что и александрийские грамматиканы: существенное время спустя: от текста к общим построениям, а не наоборот.

Естественно, первыми на ум тут приходят софисты. Мне уже приходилось говорить и писать о так называемой «лингвистической теории» Протагора и Продика; в частности, я пытался показать, что ассоциируемая с их именами концепция «правильности слов» (*ὀρθοέθεια* / *ὀρθότης ὁνομάτων*) предполагает, по крайней мере в рассуждениях Протагора, анализ корректности/некорректности употребления и согласования слов в определенном, в том числе поэтическом контексте⁶. Сейчас я хотел бы отчасти повторить, а отчасти дополнить и расширить свою аргументацию, дабы продемонстрировать, что рассуждения этих авторов о языке вообще и о некоторых грамматических категориях всегда строились на основе анализа поэтических текстов. В качестве доказательства того, что софисты таким анализом, и даже можно сказать литературным комментированием, занимались, можно сослаться на имеющийся у нас наглядный пример подобного разбора: знаменитый пассаж из платоновского «Протагора» 338e–347a, где заглавный персонаж этого диалога, совместно с Сократом и Продином, разбирает строки Симонида (fr. 542 PMG). Я не буду анализировать этот эпизод подробно — тем более что он стал предметом достаточно

⁵ Эта глава «Поэтики» рассматривается многими исследователями как «краткий свод критических моделей и критериев» (Halliwell 1989, 151), которые были выработаны Аристотелем в его не дошедшем до нас сочинении «Гомеровские проблемы», послужившем своего рода практическим фундаментом для теоретических положений «Поэтики». Ср. Halliwell 1986, 265–266. Долгое время считалось, что аристотелевская «теория» имела весьма мало общего с реальной практикой «школьного» комментирования поэтов и практически не повлияла на александрийскую традицию литературного (и прежде всего гомеровского) комментария. Однако в последнее время эта точка зрения подверглась радикальному пересмотру — здесь пионерской можно считать книгу Meijering 1987. Ср. Schironi 2009 с подробным обзором литературы вопроса, а также обсуждение использования аристотелевской терминологии у схолиастов: Nünlist 2009, 139, 252–268 и др.

⁶ См. Grintser 2013, 61–65.

многочисленных исследований⁷, — но хотел бы только обратить внимание на несколько характерных черт. Все трое собеседников исходят из того, что хорошее произведение искусства вообще и литературы в частности должно обладать внутренней непротиворечивостью и согласованностью (ὁμολογία⁸). Симонид в одной и той же оде сначала говорит: «Человеку трудно стать поистине хорошим» (ἄνδρ' ἀγαθὸν μὲν ἀλαθῶς γενέσθαι χαλεπόν), а затем упрекает в неразумии Питтака, «как бы он ни был мудр», за то, что «тот сказал, что трудно быть достойным» (οὐδέ μοι ἐμμελῶς τὸ Πιττάκειον νέμεται, καίτοι σοφοῦ παρὰ φωτὸς εἰρημένον· χαλεπὸν φάτ' ἐσθλὸν ἔμμεναι). По мнению Протагора, тем самым поэт противоречит сам себе: «Как же может не противоречить сам себе тот, кто говорит обе эти вещи: сперва уверяет, что на самом деле трудно стать человеком хорошим, а затем спустя несколько стихов забывает об этом и ругает Питтака, утверждающего то же самое, а именно что трудно быть достойным, и отказывается принять от другого то же самое, что сказал сам?» (Πῶς γὰρ ἂν φαίνοιτο ὁμολογεῖν αὐτὸς ἑαυτῷ ὁ ταῦτα ἀμφότερα λέγων, ὅς γε τὸ μὲν πρῶτον αὐτὸς ὑπέθετο χαλεπὸν εἶναι ἄνδρα ἀγαθὸν γενέσθαι ἀλαθείᾳ, ὀλίγον δὲ τοῦ ποιήματος εἰς τὸ πρόσθεν προελθὼν ἐπελάθετο, καὶ Πιττακὸν τὸν ταῦτα λέγοντα ἑαυτῷ, ὅτι χαλεπὸν ἐσθλὸν ἔμμεναι, τοῦτον μέμφεται τε καὶ οὐ φησιν ἀποδέχεσθαι αὐτοῦ τὰ αὐτὰ ἑαυτῷ λέγοντος; — 339c9–d7).

В ответ на это Сократ предлагает «оправдание» поэта, причем призывает на помощь Продика, «согражданина Симонида» (они оба родом с острова Кеос), и прибегает к продемонстрированному Продиком чуть выше в ходе диалога искусству «различения слов». Он утверждает, что Симонид стремился подчеркнуть разницу (которую подтверждает, по просьбе Сократа, Продик) в значении глаголов «быть» (εἶναι) и «возникать, становиться» (γενέσθαι). Соответственно, «поскольку быть и становиться — разные вещи, Симонид никак не противоречит сам себе» (εἰ δὲ μὴ τὸ αὐτὸ ἐστὶν τὸ εἶναι τῷ γενέσθαι, οὐκ ἐναντία λέγει ὁ Σιμωνίδης αὐτὸς αὐτῷ — 340c7–8).

Вдобавок к этому Сократ, опять-таки апеллируя к Продику, в почти комическом отступлении предполагает, что Симонид считал χαλεπός «трудный» синонимом какὸς «дурной» и потому упрекал Питтака в том, что последний по сути сказал: «Дурно быть достойным». Продик соглашается с этим, подчеркивая, что Питтак был неспособен к истинному пониманию греческого языка, а именно ко все тому же «различению слов», «поскольку был родом с Лесбоса и воспитан

⁷ В целом эти работы по большей части представляют собой попытки соотнесения этого разбора с общей риторической и философской стратегией Сократа/Платона. Если ранее превалировала тенденция напрочь отрицать философскую значимость этого «литературоведческого пассажа» (см., например, Taylor 1966, 255–256), то в последнее время, напротив, исследователи стремятся эту значимость всячески подчеркивать (см., например, Frede 1986; Pappas 1989; McCoy 1999; Provencal 1999). См. Trivigno 2013 с подробным обзором литературы вопроса. При этом на внутреннюю логику анализа текста Симонида обращается не так много внимания — а если такие попытки и предпринимаются, то опять-таки ради того, чтобы доказать, что интерпретация поэтического текста «становится способом утверждения философских принципов» (Demos 1999, 37), или напротив, призвана продемонстрировать принципиальные различия между поэзией и философским доказательством (Carson 1992).

⁸ Ср. 337c7–d1: Δοκεῖ οὖν σοι, ἔφη, ταῦτα ἐκείνοις ὁμολογεῖσθαι; <...> Πῶς γὰρ ἂν φαίνοιτο ὁμολογεῖν αὐτὸς ἑαυτῷ ὁ ταῦτα ἀμφότερα λέγων.

в варварском наречии» (καὶ ὀνειδίζειν τῷ Πιττακῷ ὅτι τὰ ὀνόματα οὐκ ἡπίστατο ὁρθῶς διαίρειν ἅτε Λέσβιος ὢν καὶ ἐν φωνῇ βαρβάρῳ τεθραμμένος — 341c7–9). Это в высшей степени сомнительное утверждение немедленно вызывает решительную отповедь Протагора: «Ты неправ, Продик, я совершенно уверен, что Симонид подразумевал под трудным то же, что и мы, а именно то, что очень непросто и требует больших усилий». Сократ немедленно соглашается и предполагает, что Продик просто пошутил, дабы «проверить бдительность» Протагора. Этот забавный пассаж вызывал особое недоумение комментаторов; в частности, последний издатель фрагментов Продика Р. Мэйхью полагает, что Сократ в данном случае намеренно вкладывает в уста Продика нарочито уязвимый тезис, дабы выставить его в дурном свете⁹. Тем не менее важно, для чего Сократ использует этот сомнительный тезис в дальнейшей аргументации: он опровергает его, следуя все тому же принципу «согласованности»: «лучшим доказательством тому, что Симонид не считал “трудное” “дурным” обнаруживается прямо в следующей его фразе: “один бог обладает этим даром”. Не мог он, считая достойное дурным, говорить, что свойством этим обладает один только бог» (μέγα τεκμήριόν ἐστιν εὐθὺς τὸ μετὰ τοῦτο ῥῆμα· λέγει γὰρ ὅτι ‘θεὸς ἂν μόνος τοῦτ’ ἔχοι γέρας’, οὐ δῆπου τοῦτό γε λέγων, κακὸν ἐσθλὸν ἔμμεναι, εἴτα τὸν θεόν φησιν μόνον τοῦτο ἂν ἔχειν — 341e1–5). И далее Сократ, возвращаясь к полемике с Протагором, продолжает утверждать, что текст Симонида непротиворечив и согласован внутри себя: он старается доказать, что в первой из процитированных строк Симонида ἄνδρ’ ἀγαθὸν μὲν ἀλαθέως γενέσθαι χαλεπὸν наречие ἀλαθέως «поистине» относится к прилагательному «трудный», а не «хороший», а частица μέν несет значение уступки, — т.е. занимается чисто филологической критикой текста. Таким образом Симонид, в его интерпретации, спорит с Питтаком, который сказал: «Трудно быть достойным», и возражает: «Поистине трудно и стать то хорошим» (а постоянно «быть» и того труднее, т.е. попросту невозможно).

Я не собираюсь сейчас останавливаться на том, серьезен или нет Сократ в своем разборе: это старый спор, в котором авторитетные историки философии высказывали прямо противоположные точки зрения: от тех, кто полагал, что буквально воспринимать Сократовы рассуждения может лишь тот, кто «полностью лишен чувства юмора»¹⁰, до тех, кто признавал, что он вполне серьезен «в основных пунктах своей аргументации», хотя и «постоянно совершает насилие

⁹ Mayhew 2011, 137–138. Эту точку зрения комментатор, в частности, аргументирует тем, что Продик у свойственно было именно «различать» значение синонимов, а изображение о том, что «трудный, тяжелый» может употребляться в значении «дурной», как раз этому «различению» (διαίρεσις) противоречит. Впрочем, следует отметить, что свое утверждение Сократ подкрепляет ссылкой на то, что Продик обращал внимание и на случаи двусмысленности отдельных слов (например, прилагательного δεινός, которое может означать и «страшный», и «сильный») и потому, например, «всякий раз остерегается меня, когда, хваля тебя или кого-либо еще, я говорю: «Протагор жутко мудрый человек», и стыдит за то, что хорошее я называю дурным. Ведь жуткий, говорит он, — это значит дурной...» (ὥσπερ περὶ τοῦ “δεινοῦ” Πρόδικός με οὕτοσί νοθετεῖ ἐκάστοτε, ὅταν ἐπαινῶν ἐγὼ ἢ σὲ ἢ ἄλλον τινὰ λέγω ὅτι Πρωταγόρας σοφὸς καὶ δεινός ἐστιν ἀνὴρ, ἐρωτᾷ εἰ οὐκ αἰσχύνομαι τὰγαθὰ δεινὰ καλῶν. τὸ γὰρ δεινόν, φησίν, κακόν ἐστιν — 341a7–b2). Ср. обсуждение этого места, например: Trivigno 2013, 517–518.

¹⁰ Taylor 1966, 256.

над текстом в угоду своим собственным целям»¹¹. Неважно, пародирует ли Сократ софистическую технику или приспособливает ее к своим философским задачам, главное, что он ее явным образом воспроизводит — недаром его разбор хвалят одновременно и Продик, и Гиппий, а сам Сократ постоянно ссылается на то, что образцом, которому он следует в анализе семантики, является Продик. Мы знаем, как из «Протагора», так и из других произведений Платона и прочих источников, что этот софист был знаменит именно своим умением тонко различать значения слов (см., например, Plat. Prot. 337a—c, Euth. 277e—278a, Lach. 197b—d, Men. 75e и др., ср. Arist. Top. 112b21—26, Galen, in Hipp. Lib. De artic 4.15). Обычно, это искусство, именуемое знанием «правильности слов» (ср. Эвтидем 277e3—4 $\pi\rho\omega\tau\omicron\nu\gamma\acute{\alpha\rho}, \omega\varsigma \phi\eta\sigma\iota \text{Πρόδικος, περὶ ὀνομάτων ὀρθότητος μαθεῖν δεῖ}$), описывается как сугубо лингвистические наблюдения, изучение семантики или синонимии, если и имеющее некое практическое приложение, то связанное с риторикой, призванное научить точному использованию слов при построении речи¹². Идя несколько дальше, Р. Мэйхью полагает, что «есть некоторые свидетельства, указывающие на то, что Продик был занят лингвистическим анализом не ради него самого или только лишь с точки зрения риторики, но и с прицелом на философское изучение природы... с тем чтобы установить однозначные соответствия между языком и реальностью»¹³. Однако только что рассмотренный пример дает возможность предположить, что Продик в своих лингвистических наблюдениях мог отталкиваться и от разбора литературных текстов. Интересно, кстати, что в «Протагоре» 340c8—d5 Сократ в качестве подтверждения того, что Симонид «не говорит противоположного самому себе» приводит еще один поэтический контекст, на сей раз взятый из Гесиода (Op. 289—292: «Ведь добродетель от нас отделили бессмертные боги / Тягостным потом, [но, если кто достигнет вершины], Легкой и ровною станет дорога, тяжкая прежде»), причем говорит, что на этот пример «сослался бы Продик» ($\omicron\upsilon\kappa \epsilon\nu\alpha\nu\tau\acute{\iota}\alpha \lambda\acute{\epsilon}\gamma\epsilon\iota \delta \Sigma\iota\mu\omega\nu\acute{\iota}\delta\eta\varsigma \alpha\upsilon\tau\omicron\varsigma \alpha\upsilon\tau\bar{\omega}. \kappa\alpha\iota \text{ἴσως ἂν φαίη Πρόδικος ὅδε καὶ ἄλλοι πολλοὶ καθ' Ἡσίοδον γενέσθαι μὲν ἀγαθὸν χαλεπὸν εἶναι — τῆς γὰρ ἀρετῆς ἔμπροσθεν τοὺς θεοὺς ἰδρῶτα θεῖναι — ὅταν δὲ τις αὐτῆς εἰς ἄκρον ἵκηται, ῥῆιδίην δῆπειτα πέλειν, χαλεπὴν περ ἐοῦσαν, ἐκτῆσθαι}$).

Гесиод становится предметом еще одного рассуждения о правильном употреблении слов у Платона, в котором вновь возникает имя Продика. В «Хармиде» 163b—d один из собеседников Сократа, Критий рассуждает о различиях между глаголами «трудиться» ($\epsilon\rho\gamma\acute{\alpha}\zeta\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$) и «делать» ($\pi\omicron\iota\epsilon\acute{\iota}\nu$), при этом «труд», по его мнению, всегда представляет из себя нечто почтенное, в то время как «сделать» можно и дурное, и достойное ($\kappa\alpha\iota \pi\omicron\iota\eta\mu\alpha \mu\acute{\epsilon}\nu \gamma\acute{\iota}\gamma\kappa\epsilon\sigma\theta\alpha\iota \delta\upsilon\nu\epsilon\iota\delta\omicron\varsigma \epsilon\nu\acute{\iota}\omicron\tau\epsilon, \delta\tau\alpha\nu \mu\eta$

¹¹ Frede 1986, 737. Ряд исследователей полагает, что ироничность и даже пародийность аргументации Сократа как раз свидетельствует о серьезности его задачи: критики софистического метода интерпретации (Trivigno 2013, 511).

¹² de Jonge, van Ophuijsen 2010, 489. Более того, по мнению некоторых исследователей, различие синонимов — чуть ли не единственное имеющееся у нас свидетельство о реальных занятиях Продика риторикой (Gagarin 2002, 23).

¹³ Mayhew 2011, xvii. Ср. Cooper 2008, 79—80, Wolfsdorf 2011. Дискуссия о том, следует ли числить Продика оратором или философом, развернулась уже в античности (фр. A10 DK). Вероятно, стоит согласиться с тем, что «этот вопрос можно считать анахронистическим применительно ко времени, в котором жил Продик, и лингвистическое подкрепление его “философских” идей как раз демонстрирует, насколько неразрывно были слиты эти два понятия в доплатоновской Греции» (O’Sullivan 2005, 293).

μετὰ τοῦ καλοῦ γίγνηται, ἔργον δὲ οὐδέποτε οὐδὲν ὄνειδος). Сократ в ответ на это умозаключение восклицает: «Я тысячу раз слышал от Продика подобные различения слов» (καὶ γὰρ Προδίκου μυρία τινὰ ἀκήκοα περὶ ὀνομάτων διαφοῦντος), очевидно подразумевая, что всем этим ухищрениям Критий научился у софиста. Тем показательнее, что свое рассуждение Критий строит как комментарий к строке Гесиода: «Нет никакого позора в работе: позорно безделье» (ἔργον δ' οὐδὲν ὄνειδος, ἀεργίη δέ τ' ὄνειδος (Op. 311), утверждая, что Гесиод «считал делание (ποίησις) чем-то отличным от труда (πράξις) и работы (ἐργασία) и полагал, что нечто сделанное (ποίημα) иногда бывает позорным, когда оно не связано с тем, что почтенно (τὸ καλόν), но работа (ἔργον) никогда позорной не бывает, и поэтому он называл совершенное с пользой и почетом работами (ἐργα), а делание такового работами и трудами (ἐργασίας τε καὶ πράξεις)».

Как справедливо замечает в связи с этим местом Р. Хантер, «Критий поистине выступает здесь в качестве предтечи тех критических методов, которые разовьются позднее; подобные соображения были бы, например, весьма уместны в трактате “Как изучать поэзию” Плутарха»¹⁴. На самом деле, рассуждение из платоновского «Хармида», действительно, стало частью последующей комментаторской традиции: в частности, оно с прямой ссылкой на Платона попадает в схолии к «Трудам и дням»¹⁵. Более того, по-видимому, разнообразные толкования данного пассажа были весьма популярны в V в. до н.э. В частности, Ксенофонт в «Воспоминаниях о Сократе» рассказывает, что обвинитель Сократа приписывал философу интерпретацию, согласно которой любое занятие, сколь угодно бесцельное, не является зазорным. Подобная трактовка предполагает, в числе прочего, и переосмысление синтаксиса гесиодовской фразы, связывающее οὐδὲν не с ὄνειδος, а с ἔργον. И как замечает по этому поводу тот же Р. Хантер, «такой комментаторский ход вполне мог бы использовать Сократ, который, разбирая стихотворение Симонида в платоновском “Протагоре”, прибегает к куда более насильственным трактовкам»¹⁶. Не углубляясь в обсуждение разнообразных критических нюансов, повторим еще раз, что подобные комментарии, похоже, отражают прежде всего расхожую софистическую практику и в случае «Хармида» напрямую связываются с продиковым искусством «разделения слов». Следует заметить, что данная строка в «Трудах и днях» в принципе относится к тому же пассажи, что и стихи 289–292, упоминаемые в «Протагоре», причем опять-таки со ссылкой на Продика. В итоге вполне можно предположить, что софиста мог заинтересовать весь соответствующий фрагмент гесиодовской поэмы, комментируя который он и использовал свой «лингвистический» метод¹⁷.

Таким образом, продикова «правильность имен» (ὀρθότης ὀνομάτων), возможно, изначально основывалась на комментарии к конкретному литературному тексту, призванном продемонстрировать нюансы значений слов в определенном

¹⁴ Hunter 2014, 209.

¹⁵ Sch. vet. in Op. et dies 311–312.6–9: εἰ δ' ὁ Πλάτων ἐξηγήσατο τὸ ἔπος. ἔργα γὰρ καλεῖν τὸν Ἡσίοδον ἐκάστου τῶν ὄντων τὰ κατὰ φύσιν ἔργα. ταῦτα οὖν καὶ τῷ σπουδαίῳ πρέποντα ἔργα ὅσα οἰκεῖα σπουδαίῳ.

¹⁶ Hunter 2014, 209.

¹⁷ Такое предположение было высказано, в частности, в работе Wolfsdorf 2008, автор которой полагает, что гесиодовский пассаж мог стать источником для аллегории добродетели и порока в речи Продика «Геракл на распутье», пересказанной Ксенофонтом в «Воспоминаниях о Сократе» (2.1.21–34).

поэтическом контексте. То же самое оказывается справедливым и по отношению к языковым занятиям Протагора, которые обозначались схожим термином «прямословие» (ὀρθοέπεια, ср. Plat. Phaedr. 267 c4–7: Πρωταγόρεια... ὀρθοέπειά γέ τις... καὶ ἄλλα πολλὰ καὶ καλὰ). Если повнимательнее присмотреться к тому, что мы действительно знаем о языковых рассуждениях Протагора, мы опять-таки можем убедиться в том, что за «прямословием» может скрываться интерпретация конкретных поэтических текстов. Так, по свидетельству Аристотеля (Rhet. 1407b6–8), Протагор был, по всей видимости, первым, кто сформулировал различия трех родов: мужского, женского и среднего, который он именовал «вещным» (τὰ σκευή). О чисто лингвистических мотивах, которым руководствовался софист, остается только гадать¹⁸. Тем не менее Аристотель, не описывая подробностей, сообщает кое-что о технике рассуждения Протагора. Из его свидетельства явствует, что софист говорил не столько о природе слова как такового, сколько разбирал его употребление в определенном, хрестоматийном поэтическом примере. Рассуждение о гневе по сути являлось комментарием к первой строчке «Илиады»: «Тот, кто говорит [ярость] “губительную”, совершает ошибку, по его мнению, при том что другим так не кажется, а кажется ошибкой “губительный”, хотя на самом деле это верно» (Soph. Elench. 173b20–22: ὁ μὲν γὰρ λέγων “οὐλομένην” σολοικίζει μὲν κατ’ ἐκεῖνον, οὐ φαίνεται δὲ τοῖς ἄλλοις, ὁ δὲ “οὐλόμενον” φαίνεται μὲν, ἀλλ’ οὐ σολοικίζει). Таким образом, речь идет о своеобразной гомеровской текстологии: как правильно читать *Μῆνιν* ἄειδε θεὰ Πηληϊάδεω Ἀχιλῆος *οὐλομένην* или *Μῆνιν... οὐλόμενον*. Внимание фокусировалось не столько на одном отдельном слове, сколько на сочетании слов — в этой связи характерно, что Аристотель, пересказывая рассуждения Протагора, использует глагол *σολοικίζειν* — «говорить солецизмы»; ведь в последующей грамматической теории «солецизмом» в противовес «варваризму» (ошибке в отдельном слове) именовалось именно прегрешение против грамматико-синтаксических правил языка¹⁹.

Точно так же конкретным развитием общей идеи Протагора о различных видах речи (= наклонениях) становится его знаменитый упрек Гомеру за то, что в «Илиаде» поэт обращается к Музе в повелительном наклонении: «Гнев, богиня, *воспой...*» (*Μῆνιν ἄειδε θεὰ...*); по мнению софиста, к богине следует адресоваться в оптативе (Arist. Poet. 1456b15–17 = 80A29 DK). Опять-таки здесь можно усмотреть примерно такой же принцип, что и в рассмотренном выше случае с *μῆνις*: два слова, «богиня» и «воспой» (в императиве) не согласуются друг с другом, на месте последнего следовало бы поставить оптатив «хорошо бы ты воспела» (*ἄειδοι*).

В результате получается, что лингвистические теории Протагора зачастую представляют собой некую генерализацию конкретных комментариев к гомеровскому тексту. Не случайно в свое время Д. Фелинг предположил, что все лингвистические цитаты из Протагора у Аристотеля могут восходить к одному

¹⁸ См., например, различные предположения: Wackernagel 1928, 4–5; Kerferd 1981, 69; Willi 2003, 99.

¹⁹ Ср. классическое определение солецизма в противовес варваризму у грамматика II в. н.э. Аполлония Дискола: *μιάς λέξεως κακία ἐστὶν ὁ βαρβαρισμός, ἐπιπλοκῆς δὲ λέξεων ἀκαταλλήλων ὁ σολοικισμός* (О синтаксисе частей речи 2.2.273.10–11). В недавней статье Lougovaaya, Ast 2004 справедливо обращается внимание именно на идею «неправильного согласования» в этом рассуждении Протагора. Впрочем, общий вывод авторов (о якобы обсуждаемой Протагором двусмысленности при употреблении личных имен Менис и Пелекс) кажется чрезвычайно натянутым.

рассуждению, содержащему критику зачина «Илиады»²⁰. Главная цель подобного разбора — установить внутреннюю согласованность слов в контексте, т.е. показать его внутреннюю непротиворечивость или наличествующее противоречие устранить. Именно эта «согласованность» и является смыслом протагоровой *ὁρθότης*²¹ — и в этом смысле она вполне отвечает поиску *ὁμολογία*, которым софист и его собеседники занимались в платоновском «Протагоре», только в этом диалоге речь идет скорее о непротиворечивости текста в целом. Подтверждением именно такой интерпретации данного понятия может служить и знаменитый агон Еврипида и Эсхила в «Лягушках» Аристофана, в котором Ч. Сигал справедливо усматривал аллюзии на протагорово «прямословие»²², — ведь оба трагика там занимаются не чем иным, как анализом поэтических контекстов и демонстрацией того, что их соперник нарушает внутреннюю логику и употребляет неподходящие слова. В этой связи особенно характерны, например, пассажи, где Еврипид обвиняет Эсхила в тавтологии, а тот в ответ стремится продемонстрировать разницу в семантике глаголов *ἵκεῖν* и *κατέρχεσθαι* (1152–1165), или когда Эсхил упрекает Еврипида в неверном употреблении глаголов *εἶναι* и *ὑπνεσθαι* в прологе к «Антигоне» (1182–1196). Последний пример явным образом отсылает к софистической технике, продемонстрированной в платоновском «Протагоре», а первый вполне согласуется с многочисленными примерами «различения слов» Продиком.

В итоге оказывается, что и Прodik, и Протагор стремились извлечь языковую «правильность» из поэтических контекстов с той, возможно, разницей, что «правильность» Протагора была ориентирована прежде всего на согласование слов в поэтическом контексте — в противовес «разделению» Продика. Впрочем, при таком понимании эти подходы вовсе не противоречат, а дополняют друг друга: анализ связи слов в поэтическом словоупотреблении невозможен без установления точного значения каждого из них, и наоборот, анализ семантики возможен только на основании реального (в том числе поэтического) узуса. В этом смысле, как бы ни называлась эта «правильность»: *ὁρθότης ὁνομάτων* (как называется искусство Продика) или *ὁρθότης* (как чаще всего именуется доктрина Протагора), — речь идет прежде всего о правильности поэтического словоупотребления, иными словами, о литературной критике. Другое дело, можно ли считать занятие софистов подобной критикой самодостаточным или разбор поэтических контекстов служил для них инструментом (или иллюстрацией) для решения иных — философских или риторических — задач?

²⁰ Fehling 1965, 212–217. Впоследствии представление о том, что лингвистические наблюдения Протагора связаны с критическим разбором гомеровской поэзии, приобрело все больше сторонников. См. Sluiter 1990, 7–8, Ford 2009, 633–634. В последнее время эта точка зрения наиболее подробно была аргументирована: Rademaker 2013, особ. 96–104.

²¹ В своих интерпретациях данного понятия ученые обычно либо придерживаются чисто лингвистической или лингвофилософской трактовки («рационалистическая реформа языка» — di Cesare 1991, 100–101; «утверждение правильного соотношения обозначения и предмета» — Schmitter 2000, 358), либо связывают его с риторическим стремлением к «прозрачному, прямому способу выражения, точно отражающему мысли говорящего, который потому может пребывать в уверенности, что его слова прозвучат убедительно» (Classen 1976, 225).

²² Segal 1970.

В специальных исследованиях, посвященных софистам, преимущественно дается второй из двух возможных ответов²³. С этим отчасти связана дискуссия о том, в каком сочинении тот же Протагор излагал свои лингвистические (а с ними, как мы убедились, и «литературоведческие» взгляды). Есть те, кто полагает, что ὀρθοετία могла быть заглавием самостоятельного труда Протагора²⁴, однако большинство ученых с этим не согласно и полагают, что соответствующие взгляды софист мог излагать в своем главном сочинении «Истина»²⁵. Однако для V века мы, безусловно, имеем доказательство того, что сочинение под таким названием существовало — правда, написал его не Протагор, а его согражданин из Абдер, Демокрит. В списке его трудов у Диогена Лаэртского присутствует заглавие «О Гомере, или О правильности слов и глоссах» (Περὶ Ὁμήρου ἢ Ὀρθοετίας καὶ ὑλωσέων — DK A33 = CXV Лурье), явным образом свидетельствующее, что философ, точно так же как и софисты, соотносил языковую «правильность» с исследованием поэтического и прежде всего гомеровского текста. О содержании данного сочинения судить опять-таки практически невозможно, но тем не менее я позволю себе остановиться на нескольких примерах, способных пролить свет на технику Демокрита.

Во-первых, у Демокрита мы обнаруживаем случаи прямой «критики текста», т.е. предпочтения того или иного чтения, или даже аналоги своеобразной «конъектуры». Так, применительно к «Илиаде» 21.252 схолии сообщают, что Аристотель предлагал в данной строке читать «подобный в полете чернокоستمому орлу», αἰετοῦ οἴματ' ἔχων μελάνοστος θηρητῆρος (вместо αἰετοῦ οἴματ' ἔχων μέλανος τοῦ θηρητῆρος, «подобный в полете черному орлу-охотнику»). Порфирий в своих «Гомеровских проблемах» 1.274.9, возводит подобное чтение к Демокриту (DK B22 = 817 Лурье) и осуждает его как противоречащее истине. Здесь показателен сам факт, что Аристотель, похоже, заимствовал данное чтение из труда Демокрита; впрочем, важна и мотивировка подобного понимания текста, которая, по всей видимости, продиктована не столько фантастическими зоологическими представлениями²⁶, сколько филологическим желанием устранить неловкое и нехарактерное для гомеровского языка словосочетание τοῦ θηρητῆρος, с которым проблемы возникают и у современных комментаторов²⁷ (единственным выходом становится понимание «подобный орлу, тому, который охотник»). Кратко говоря, речь идет не столько о согласовании текста с реальностью, сколько о естественном, с точки зрения синтаксиса, согласовании слов в контексте. Результатом становится глосса, странная по смыслу, но вполне соответствующая правилам греческой морфологии.

²³ Вот характерное суждение: «анализ поэтических текстов Протагором был направлен в конечном счете на разбор и проверку политического и юридического дискурса», т.е. опять-таки на решение риторических задач, поскольку «поэзия представляла собой идеальный полигон для практической разработки того, как действовать против своих оппонентов в суде или на совете» (Rademaker 2013, 103, 108).

²⁴ См. Fehling 1965; Segal 1970; Kennedy 1994, 26.

²⁵ Classen 1976, 220; Schiappa 2003, 163–164; Ford 2001, 101; Willi 2003, 119, n. 2.

²⁶ По словам Порфирия, Демокрит полагал, что у орла черные кости, причем из контекста не ясно, в каком сочинении и по какому поводу он высказывал это мнение. Однако кажется весьма правомысленным то, что издатели традиционно относят его именно к трактату «О Гомере», — и тогда следует полагать, что цель Демокрита состояла в первую очередь в том, чтобы прояснить гомеровский текст.

²⁷ Richardson 1993, 73–74.

Еще один пример специфически «демокритовского» прочтения гомеровского текста более известен. В трактате того же Аристотеля «О душе» 404a25–31 мы читаем: «Демокрит считал, что Гомер правильно сказал, что Гектор “лежит инакомысля”. Он не пользуется словом “ум” для обозначения силы, направленной на познание истины, а принимает душу и ум за одно и то же» (καλῶς ποιῆσαι τὸν Ὅμηρον ὡς “Ἐκτωρ κεῖτ’ ἄλλοφρονέων”. οὐ δὲ χρῆται τῷ νῶι ὡς δυνάμει τινὶ περὶ τὴν ἀλήθειαν, ἀλλὰ ταῦτ’ ὁ λέγει ψυχὴν καὶ νοῦν — DK A101 = 820 Лурье). Эпитет ἄλλοφρονέων в «Илиаде» в подобном значении (что-то вроде русского «не в себе») встречается лишь однажды в 23.698, однако в другой форме (в винительном падеже²⁸) и применительно к другому персонажу, Эвриалу, пострадавшему от мощного удара Эпея. Тем не менее комментаторы и издатели прилежно ссылаются именно на это место, пытаясь объяснить несоответствие цитаты тем, что Демокрит (а вслед за ним и Аристотель) или слишком полагались на свою память, или имели дело с иным изводом гомеровского текста²⁹. Правда, в таких объяснениях зачастую недостает хотя бы предположения, где подобное чтение было бы возможным. Между тем в «Илиаде» есть очевидная ситуация, где Гектор пребывает в состоянии, схожем с положением Эвриала, — это начало 15-й песни, где вождь троянцев тяжело страдает от раны, нанесенной ему Аяксом. Зевс «увидел Гектора лежащего на поле, вокруг него сидели товарищи, а сам он тяжело дышал, утратив соображение в сердце» (“Ἐκτορα δ’ ἐν πεδίῳ ἴδε κείμενον, ἄμφι δ’ ἑταῖροι εἶαθ’, ὃ δ’ ἀργαλέῳ ἔχεται ἄσθματι κῆρ ἀπινύσσων — 15. 9–10). В принципе можно легко предположить, что альтернативное чтение, буде оно существовало, должно было относиться именно к данному месту³⁰. Более того, косвенное подтверждение обнаруживается в комментариях Евстафия 3.691.6–10: «То, что у древних “лежать” употреблялось в значении “пасть”, подтверждается тем, как Гектор лежит, “тяжело дыша, утратив соображение в сердце”, т.е. *инакомысля* и будучи не в разуме» (“Ὅτι τὸ κεῖσθαι κατὰ τοὺς παλαιούς

²⁸ Следует, впрочем, заметить, что Аристотель приводит ту же самую цитату (но без упоминания Демокрита) еще и в «Метафизике» 1009b28–30, и там эпитет стоит уже в винительном падеже: «Утверждают, что и Гомер явно держался этого мнения: в его изображении Гектор, будучи оглушен ударом, “лежит, мысля иначе”, так что выходит, что мыслят и помешанные, но иначе» (φασι δὲ καὶ τὸν Ὅμηρον ταύτην ἔχοντα φαίνεσθαι τὴν δόξαν, ὅτι ἐποίησε τὸν Ἐκτορα, ὡς ἐξέσθι ὑπὸ τῆς πληγῆς, κεῖσθαι ἄλλοφρονέοντα, ὡς φρονοῦντας μὲν καὶ τοὺς παραφρονοῦντας ἀλλ’ οὐ ταῦτά). Парафраз суждения Демокрита, без конкретных ссылок на «Илиаду», но с использованием глагола ἄλλοφρονεῖν, присутствует и у Феофраста в трактате «О чувствах» 58.

²⁹ Вот два характерных объяснения: «Демокритов текст Гомера наверняка отличался от нашего, и в любом случае и он, и Аристотель несомненно цитировали по памяти» (Taylor 1999, 105, n. 91); «Аристотель, припоминая эту строку, неверно относит ее к Гектору, поскольку заинтересован только в одном слове, *allopnoneonta*» (Gould 1990, 259). В качестве еще одной возможности предполагают, что ошибка была допущена в некоем промежуточном источнике, на который опирался Аристотель (Mansfeld 1996, 168). Наверное, в этом фрагменте, действительно, кроется потенциальная опасность провалов в памяти — в том числе и у современных ученых: в статье, специально посвященной рецепции Гомера в античности, Р. Лэмбертон, обсуждая этот пассаж из трактата «О душе» и в очередной раз указывая на ошибочность цитаты, сам удивительным образом путает, не же Гектора с Эвриалом, а Эмпедокла с Демокритом (Lamberton 1997, 37).

³⁰ Это место приведено в качестве гомеровской параллели, содержащей аналогичное представление о состоянии поверженного героя в Hussey 2006, 21, n. 12, — но лишь походя, без обсуждения возможной контаминации.

ἐπὶ τε τοῦ πεπτωκέναι λέγεται, ὥς ὁ Ἔκτωρ νῦν ἐν πεδίῳ κείμενος «ἀργαλέῳ εἶχετο ἄσθματι κῆρ ἀπινύσσω», ἥτοι ἀλλοφρονέων καὶ μὴ ὦν πινυτός). Нужный нам эпитет употребляется в качестве парафразы гапакса ἀπινύσσω наряду с его этимологическим объяснением (μὴ ὦν πινυτός). Кажется, что такое сопряжение двух крайне редко употребляемых причастий не случайно и позволяет предположить, что демокритов пример относится именно к этому месту гомеровской поэмы. Возможно, Демокрит (а вслед за ним и Аристотель) действительно имел дело с другим текстом; однако, комментарий Евстафия позволяет допустить и иную возможность: у Демокрита ἀλλοφρονέων был не частью текста, но толкованием для ἀπινύσσω. Последняя вероятность выглядит даже более естественной: ассоциация ἀπινύσσω с κῆρ не очень очевидна, а разъяснение эпитета через ἀλλοφρονέων, этимологически связанный с φρονέω и φρήν (соотносимым с грудью, а значит, и с сердцем), делало его более «пространственно» понятным. Иными словами, речь шла вновь об истолковании конкретной строки и выражения, а уже на основании этого толкования можно было дальше рассуждать о соотношении души и разума.

Как кажется, в той же логике могло быть выдержано и дошедшее от Демокрита аллегорическое толкование эпитета Афины «Тритогенея» (DK B2 = 820 Лурье), которое, среди прочего, сохранилось в схолиях к Гомеру: «Демокрит, этимологизируя это имя, говорит, что размышлению сопутствуют три вещи: [способность] хорошо думать, хорошо говорить и делать, что нужно» (Δημόκριτος δὲ ἐτυμολογῶν τὸ ὄνομα φησιν, ὅτι ἀπὸ τῆς φρονήσεως τρία ταῦτα συμβαίνει· τὸ εὖ λογίζεσθαι, τὸ εὖ λέγειν καὶ τὸ πράττειν ἃ δεῖ). Обычно данное рассуждение приводят в контексте этических воззрений философа, вероятно, изложенных в том числе и в упомянутом Диогеном Лаэртским трактате, который так и назывался «Тритогенея»³¹. Однако стоит обратить внимание на собственно то место у Гомера, в комментарии к которому и приведено это толкование. Это слова Зевса, обращенные к Афине в начале 8-й песни «Илиады» (39–40):

θάρσει Τριτογένεια φίλον τέκος· οὐ νύ τι θυμῷ
πρόφρονι μυθέομαι, ἐθέλω δέ τοι ἥπιος εἶναι.

(«Ободрись, Тритогенея, милая дочь! Ведь я это говорю, не разумея это в душе, а хочу быть к тебе мягким»).

Если присмотреться, то в словах Зевса можно уловить то же трехчастное членение, которое Демокрит предлагает для воплощенного в Афине «разума»: правильное размышление (πρόφρονι θυμῷ), говорение (μυθέομαι) и, наконец, правильное поведение (в данном случае ἥπιος εἶναι). Вновь речь идет об определенной «согласованности» редкого эпитета и конкретного поэтического места, в котором он употреблен: получается, что Зевс как бы иронически обыгрывает смысл дочернего имени, а весь контекст становится своего рода разъяснением темного эпитета, приобретающего глубокий аллегорический смысл³².

³¹ См., например, Leitaο 2012, 110–111. Впрочем, Э. Форд полагал, что этот пассаж мог относиться к трактату «О Гомере» и был продиктован желанием очистить Гомера от обвинений в неловком «сложении слов» (Ford 2002, 170).

³² В этой связи интересно, что некоторые исследователи усматривают схожее обыгрывание «тройного смысла» этого эпитета у Гесиода в «Теогонии» 886–898, где «излагаемый миф аллегоризирует... три основные характеристики Афины: ее решительность, мудрость и мужественность ее девственной натуры» (Morford, Lenardon 1999, 106; ср. Levin 2001, 69).

Кстати, ранние аллегорические трактовки, как показал, в частности, Н. Ричардсон, толковали не просто образы поэмы в целом, но их аллегорическое значение в рамках определенных эпизодов. Одной из популярных с этой точки зрения тем был так называемый «раздор богов» и угрозы Зевса Гере³³ (при этом Зевс в таких толкованиях предстал как аллегория мирового разума). Интересно, что оба только что обсужденных гомеровских фрагмента Демокрита, в которых речь идет опять-таки о разуме, в нашей реконструкции относятся именно к этим частям поэмы: речь Зевса к Афине в 8-й песне непосредственно следует за угрозами Зевса в адрес всех богов (П. 8.4–27), а описание Гектора в 15-й непосредственно предваряет их (15.13–33). Заманчиво предположить, что внимание Демокрита к соответствующим пассажам было, возможно, привлечено их «аллегорической нагруженностью» в ходе существовавшей в V в. полемики вокруг них.

Однако для наших рассуждений важен не столько вклад Демокрита в гомеровскую аллегорезу, сколько сам его критический метод, основанный на анализе конкретных контекстов с целью продемонстрировать их внутреннюю «логику» и истолковать место и значение в них отдельно взятых слов. Этот метод в своих основаниях весьма схож с тем, с чем мы сталкивались у софистов. Интересно, что Эндрю Форд указывал на гипотетическую связь рассуждения Демокрита о Тритогене с протагоровыми упреками Гомеру в нарушении «правильности слов»³⁴. Замечу, что еще одно замечание Демокрита, считавшего «нарушением приличий» фразу троянского посланца Идея в П. 7.390: «чтоб он пропал» (о Парисе) — и поэтому полагавшего, что она должна была быть произнесена про себя (фр. B23 DK = 818 Лурье), в какой-то мере оказывается созвучно рассуждениям Протагора, например, о правильной форме обращения к богам³⁵.

Разговор о подходе Демокрита к литературным текстам был бы не полон без упоминания наиболее часто цитируемого фрагмента, взятого из Диона Хрисостома 36.1: «Демокрит так говорит о Гомере: “Гомер, обладая божественной природой, создал красоту всяческих речей”, полагая, что без божественной или богоподобной природы невозможно творить столь прекрасные и мудрые слова» (ὁ μὲν Δημόκριτος περὶ Ὀμήρου φησὶν οὕτως: “Ὅμηρος φύσεως λαχὼν θεαζούσης ἐλέων κόσμον ἐτεκτήνατο παντοίων”, ὥς οὐκ ἐνὸν ἄνευ θείας καὶ δαμονίας φύσεως οὕτως καλὰ καὶ σοφὰ ἔπη ἐργάσασθαι — B21 DK = 816 Лурье). В данном случае я не столько хочу, вслед за множеством исследователей, порассуждать об идее божественной природы и энтузиазма (присутствующей еще в одном фрагменте B18, где Климент Александрийский упоминает Демокрита в одном ряду с Платоном)³⁶, сколько обратить

³³ Richardson 2006, 69–71.

³⁴ Ford 2002, 170.

³⁵ В известной степени подобные замечания предваряют то, что впоследствии воплотится в риторической категории *πρέπον* «уместного».

³⁶ Как известно, именно в связи с образом «безумного поэта» Демокрита упоминают Гораций (*Ep. Ad Pis.* 259–298) и Цицерон (*De orat.* 2.46, 94; *De div.* 1.38.80). Однако, как в свое время убедительно показала, например, П. Мюррей, Демокрит (в отличие, например, от Платона), во-первых, всячески приветствует идею «боговдохновенности», а во-вторых, никак не противопоставляет понятия божественной инспирации и поэтического «технического» мастерства (Murray 1981, 99–100). Дж. Портер вслед за рядом исследователей, полагает, что это понятие у Демокрита скорее представляет собой

внимание на характерное выражение *κόσμος ἑλέων*, которым Демокрит обозначает гомеровский текст — букв «порядок слов». Считая эту фразу возможным началом уже упомянутого сочинения «О Гомере, или Прямословию и глоссах», Э. Форд предположил, что слово *κόσμος* здесь подразумевает полноту гомеровского «космоса», обязательной составляющей которого являются именно редкие слова, на которые обращал внимание Демокрит³⁷. Однако мне кажется, что здесь скорее подходит более традиционный взгляд, который вслед за многими исследователями³⁸ не так давно дополнительно обосновал Я. Мансфельд³⁹. Начиная с самого Гомера (у которого *κόσμος* становится определением песни Демодока в Од. 8. 489), *κόσμος ἑλέων* подразумевает упорядоченное соединение слов в единое целое песни (ср. Солон 1.2 West, Парменид B8.52 DK). В дальнейшем в схожем смысле этим же выражением применительно к стихам Гомера будут пользоваться Плутарх и Павсаний⁴⁰. Мне кажется, что «упорядоченность» предполагает не только и даже не столько умелое создание редких слов (вроде Тритогенеи), сколько их умелое встраивание в единое тело стиха в определенном контексте. Как я постарался показать, именно месту слова в контексте и были посвящены немногие дошедшие до нас рассуждения Демокрита о Гомере, и в этом смысле *κόσμος ἑλέων* в данном фрагменте почти синонимичен понятию «правильности слов» в том виде, в котором мы попытались реконструировать его значение и в учении Протагора, и, как кажется, в заглавии труда Демокрита.

Таким образом, рассмотренные нами примеры демонстрируют, что дошедшие до нас общие суждения о языке софистов или о философии человеческого разума у Демокрита изначально строились на «литературной критике» в ее буквальном понимании, а именно на истолковании конкретного поэтического пассажа. Целью такого истолкования — точно так же, как и в последующей научной филологии — было выявить непротиворечивость и внутреннюю логику контекста, а в случае видимого или реального нарушения таковой, исправить имеющийся текст (как это делал Протагор применительно к началу «Илиады» или, возможно, Демокрит в случае с «чернокостным орлом»). Иными словами, мы имеем дело с рождением теории (не обязательно чисто литературной) из комментария и критики текста. Этот путь античная и европейская филология пройдет еще не один раз.

«замечание относительно *физиологических* истоков поэтического вдохновения» (Porter 2000, 179), а Г. Мост интерпретирует его как «временное состояние божественной одержимости», которое Платон затем генерализует, встраивая в систему своей аргументации, цель которой — продемонстрировать «незнание поэтов» (Most 1999, 339).

³⁷ Ford 2002, 169–170.

³⁸ См., например, Russell 1981, 73.

³⁹ Mansfeld 2004.

⁴⁰ Плутарх в «Платоновских вопросах» 1010d5–9 говорит, что «Гомер, выдающийся мастер по части порядка слов, к немногим именам прилагает артикли» (Ὅμηρος ἑλέων κόσμῳ περιεγόμενος ὀλίγοις τῶν ὀνομάτων ἄρθρα ... ἐπιτίθησι) — очевидно, что речь идет именно о сочетании слов. Ср. Paus. 9.30.12. О том, что в данном фрагменте Демокрит особо подчеркивает красоту гомеровского стиля, словесной формы его произведений, именно в этом видя реализацию «божественной природы» поэта, см. Brancacci 2007, 201–204.

- Brancacci, A. 2007: Democritus' *Mousika*. In: A. Brancacci, P.-M. Morel (eds), *Democritus: Science, The Arts, and the Care of the Soul*. Leiden—New York, 181—206.
- Carson, A. 1992: How not to read a poem: unmixing Simonides from “Protagoras”. *Classical Philology* 87, 110—130.
- Classen, C.J. 1976: The Study of language among Socrates' contemporaries. In: C.J. Classen (ed.), *Sophistik*. Darmstadt, 215—247.
- Cooper, C. 2008: Prodicus. In: P. O'Grady (ed.), *The Sophists: An Introduction*. London—New York, 71—82.
- De Jonge, C.C., van Ophuijsen, J.M. 2010: Greek philosophers on language. In: E. Bakker (ed.), *A Companion to Ancient Greek Language*. Malden—Oxford, 485—498.
- Demos, M. 1999: *Lyric Quotation in Plato*. Lanham.
- Di Cesare, D. 1991: Die Geschmeidigkeit der Sprache. Zur Sprachauffassung und Sprachbetrachtung der Sophistik. In: P. Schmitter (ed.), *Sprachtheorien der abendländischen Antike*. Tübingen, 87—118.
- Fehling, D. 1965: Zwei Untersuchungen zur griechischen Sprachphilosophie. *Rheinisches Museum für Philologie* 108, 212—229.
- Ford, A. 2001: Sophists without rhetoric: the arts of speech in fifth-century Athens. In: Yun Lee Too (ed.), *Education in Greek and Roman Antiquity*. Leiden—Boston, 85—109.
- Ford, A. 2002: *The Origins of Criticism. Literary Culture and Poetic Theory in Classical Greece*. Princeton.
- Ford, A. 2009: Performance, text and the history of criticism. In: G. Boys-Stones, B. Graziosi, P. Vasunia (eds), *The Oxford Handbook of Hellenic Studies*. Oxford, 628—636.
- Frede, D. 1986: The impossibility of perfection: Socrates' criticism of Simonides' poem in the *Protagoras*. *The Review of Metaphysics* 39, 729—753.
- Freyberg, L.A. (ed.) 1975: *Drevnegrecheskaya literaturnaya kritika* [Ancient Greek literary criticism]. Moscow. Фрейберг, Л.А. (отв. ред.), *Древнегреческая литературная критика*. М.
- Gagarin, M. 2002: *Antiphon the Athenian: Oratory, Law, and Justice in the Age of the Sophists*. Austin.
- Gould, T. 1990: *The Ancient Quarrel Between Poetry and Philosophy*. Princeton.
- Grintser, N.P., Grintser, P.A. 2000: *Stanovlenie literaturnoy teorii v Drevney Gretsii i Indii* [The Emergence of literary theory in ancient Greece and India]. Moscow.
- Гринцер, Н.П., Гринцер, П.А. *Становление литературной теории в Древней Греции и Индии*. Москва.
- Grintser, N.P. 2013: [Platonic etymology and Sophistic theory of language]. In: *Platonovskiy sbornik*. Т. 2 [Plato Collection. Vol. 2]. Moscow—Saint Petersburg, 53—83.
- Гринцер, Н.П. 2013: Платоновская этимология и софистическая теория языка. В сб.: *Платоновский сборник*. Т. 2. М. — СПб., 53—83.
- Halliwell, S. 1986: *Aristotle's Poetics*. Chicago.
- Halliwell, S. 1989: Aristotle's Poetics. In: G. Kennedy (ed.), *The Cambridge History of Literary Criticism*. V.1: *Classical Criticism*. Cambridge, 149—183.
- Hunter, R. 2014: *Hesiodic Voices: Studies in the Ancient Reception of Hesiod's Works and Days*. Cambridge.
- Hussey, E. 2006: Parmenides on thinking. In: R. A. King (ed.), *Common to Body and Soul: Philosophical Approaches to Explaining Living Behaviour in Greco-Roman Antiquity*. Berlin—New York, 13—30.
- Kennedy, G. (ed.) 1989: *The Cambridge History of Literary Criticism*. V.1: *Classical Criticism*. Cambridge.
- Kennedy, G. 1994: *A New History of Classical Rhetoric*. Princeton.
- Kerferd, G. 1981: *The Sophistic Movement*. Cambridge.
- Laird, A. (ed.) 2006: *Ancient Literary Criticism. Oxford Readings in Classical Studies*. Oxford.
- Lamberton, R. 1997: Homer in Antiquity. In: I. Morris, B. Powell (eds), *A New Companion to Homer*. Leiden—New York, 33—54.
- Leitao, D. 2012: *The Pregnant Male as Myth and Metaphor in Classical Greek Literature*. Cambridge.
- Levin, S. 2001: *Ancient Quarrel between Poetry and Philosophy Revisited*. Oxford.
- Lougovaya, J., Ast, R. 2004: Menis and Pelex. Protagoras on solecism. *The Classical Quarterly* 54, 274—277.
- Mansfeld, J. 1986: Aristote et la structure du *De sensibus* de Théophraste. *Phronesis* 41, 158—188.
- Mansfeld, J. 2004: Democritus, Fragments 68B18 and B21 DK. *Mnemosyne* 57, 484—488.
- Mayhew, R. (ed.) 2011: *Prodicus the Sophist. Texts, Translations, and Commentary*. Oxford.
- McCoy, M. 1999: Socrates on Simonides: the use of poetry in Socratic and Platonic rhetoric. *Philosophy and Rhetoric* 32, 349—367.
- Meijering, R. 1987: *Literary and Rhetorical Theories in Greek Scholia*. Groningen.
- Morford, M., Lenardon, R. 1999: *Classical Mythology*. Oxford.
- Most, G. 1999: Most G. Poetics of early Greek philosophy. In: A. Long (ed.), *The Cambridge Companion to Early Greek Philosophy*. Cambridge, 332—362.

- Murray, P. 1981: Poetic inspiration in early Greece. *Journal of Hellenic Studies* 101, 87–100.
- Nünlist, R. 2009: *The Ancient Critic at Work: Terms and Concepts of Literary Criticism in Greek Scholia*. Cambridge.
- O'Sullivan, N. 2005: Prodicus of Ceos. In: M. Ballif, M. Moran (eds), *Classical Rhetorics and Rhetoricians: Critical Studies and Sources*. Westport–London, 291–295.
- Pappas, N. 1989: Socrates' charitable treatment of poetry. *Philosophy and Literature* 13, 248–261.
- Petrovskiy, F.A. (ed.) 1963: *Ocherki istorii rimskoy literaturnoy kritiki* [Studies in the history of Roman literary criticism]. Moscow.
- Петровский, Ф.А. (отв. ред.), *Очерки истории римской литературной критики*. М.
- Porter, J. 2000: Porter J. *The Invention of Dionysus: An Essay on The Birth of Tragedy*. Stanford.
- Provencal, V. 1999: The 'Simonides agon' as a pivotal discourse in Plato's *Protagoras*. *Animus* 4, 58–66.
- Rademaker, 2013: The most correct account: Protagoras on language. In: J.M. van Ophuijsen, M. van Raalte, P. Stork (eds), *Protagoras of Abdera: The Man, His Measure*. Leiden–Boston, 87–111.
- Richardson, N. 1993: *The Iliad. A Commentary*. V. 6: Books 21–24. Cambridge.
- Richardson, N. 2006: Homeric professors in the age of the Sophists. In: Laird A. (ed.), *Ancient Literary Criticism. Oxford Readings in Classical Studies*. Oxford, 62–86.
- Russell, D.A. 1981: *Criticism in Antiquity*. Berkeley–Los Angeles.
- Schiappa, F. 2003: *Protagoras and Logos: A Study in Greek Philosophy and Rhetoric*. Columbia (SC).
- Schironi, F. 2009: Theory into practice: Aristotelian principles in Aristarchean philology. *Classical Philology* 104, 279–316.
- Schmitter, P. 2000: Sprachbezogene Reflexionen im frühen Griechenland. In: S. Auroux, E.F.K. Koerner, H.-J. Niederehe, K. Versteegh (eds), *History of the Language Sciences*. Vol. 1. Berlin–New York, 345–366.
- Segal, C. 1970: Protagoras' *orthoepeia* in Aristophanes' "Battles of Prologues" (Frogs 1119–97). *Rheinisches Museum für Philologie* 113, 158–162.
- Sluiter, I. 1990: *Ancient Grammar in Context: Contributions to the Study of Ancient Linguistic Thought*. Amsterdam.
- Taylor, A. 1966: *Plato: The Man and His Work*. Cleveland–New York.
- Taylor, C.C. (ed.) 1999: *The Atomists Leucippus and Democritus. Fragments. A Text and Translation with a Commentary*. Toronto.
- Trivigno, F. 2013: Childish nonsense? The value of interpretation in Plato's *Protagoras*. *Journal of the History of Philosophy* 51, 509–543.
- Wackernagel, J. 1928: *Vorlesungen über Syntax mit besonderer Berücksichtigung von Griechisch, Lateinisch und Deutsch*. Bd.1. Basel.
- Willi A. 2003: *The Languages of Aristophanes: Aspects of Linguistic Variation in Classical Attic Greek*. Oxford.
- Wolfsdorf, D. 2008: Hesiod, Prodicus, and the Socratics on work and pleasure. *Oxford Studies in Ancient Philosophy* 35, 1–17.
- Wolfsdorf, D. 2011: Prodicus on the correctness of names: the case of τέρψις, χαρά and εὐφροσύνη. *Journal of Hellenic Studies* 131, 131–145.